

Владимир НУЗОВ

— Аксенов — не псевдоним ли?

— Это не псевдоним, потому что фамилия моего отца — Аксенов. Но я столь же русский, сколь и еврей: моя мама — писательница Евгения Гинзбург. В ЦК КПСС меня называли, особенно когда наши отношения, мягко говоря, стали не очень хорошими, не иначе как Гинзбург. Опять, мол, этот Гинзбург чудит. И распускали слухи, что Аксенов — этой мой псевдоним. Чтобы их не разочаровывать, я даже хотел, обосновавшись на Западе, взять себе двойную фамилию: Аксенов-Гинзбург. Есть такой священник Аксенов-Меерсон. А потом подумал: с какой стати я из-за какой-то сволочи (т. е. ЦК КПСС. — Авт.) буду менять фамилию? Все и так знают, что моя мама — Евгения Гинзбург, а папа — Павел Васильевич Аксенов из Рязанской губернии. Года три назад я, Володя Войнович и еще несколько писателей выступали в филармонии в Самаре. Так там перед зданием стояли патриоты с плакатами: «Грязный Чонкин, убирайся домой!», «Долой «Затоваренную бочкотару!»». Мы вышли к пикетчикам, я спросил: «Что это вы так звереете, ребята?». А они мне: «Вы же не русский писатель, Аксенов! И фамилия у вас не русская!». «Да нет, — отвечаю, — я писатель русский, хотя мама моя — еврейка. А отец из Рязанской губернии, больше русский, чем вы все вместе взятые». Эти ребята были такого немножко татарского вида.

Несколько следующих вопросов о прототипах героев только что прочитанной пьесы и опубликованного несколько лет назад романа «Московская сага» показали, что аудитория знакома с творчеством Василия Аксенова не понаслышке. Если прототипами действующих лиц пьесы являются литературные герои (например, Феймус это современный грибоводский Фамусов), то герои романа — едва ли не реальные современники писателя: певица Нина Дорда, династия хирургов Вишневых, маршал Рокоссовский и генерал армии Черняховский (маршал Градов в романе)... Конечно, поясняет писатель, он лишь отталкивается от подлинных людей.

— Изменилось ли ваше представление об Америке после «В поисках грустного Бэби»? (роман — странствие по Америке. В путешествии легко угадывается Василий Аксенов. — Авт.).

— Очень сильно изменилось, особенно после попытки республиканцев отстранить президента от власти. Когда мы приехали сюда, то поддерживали республиканцев, поскольку они противостояли «империи зла». По существу вся Америка отвергла потрясающее лицемерие республиканцев...

Аксенов давно живет в Америке, преподает в университете Джорджа Мейсона в Вирджинии. Какой язык доминирует в его жизни? В. П. говорит, что напоминает себе Набокова, который когда-то написал, что голова у него говорит по-английски, сердце чувствует по-русски, а ухо ловит по-французски.

— Я преподаю в университете, то есть с утра до вечера говорю по-английски, иногда ловлю себя на том, что и думаю по-английски. Тем не менее мне нужно сохранять свой русский язык, поэтому я вынужден два раза в году отрываться от своих близких и проводить месяца по два в России. Много путешествую (в минувшем году проехал на пароходе по Волге до Астрахани и обратно) и вам рекомендую купить билет на пароход, увидеть маленькие провинциальные городки, прикоснуться к их жизни.

Писатель мечтает выйти на пенсию и писать, а не сеять разумное, доброе,

Центральная библиотека Бруклина напоминает бывшую Ленинскую, теперь Российскую государственную библиотеку: солидная архитектура, гулкий простор внутренних помещений. Для встречи читателей с Василием Аксеновым устроители выделили огромный вестибюль первого этажа: установили полтыщи стульев, несколько динамиков позволяло слышать каждое слово в любом конце симпровизированной аудитории. Встречу с нью-йоркцами живущий в Вашингтоне Василий Павлович начал с пересказа сложного сюжета нового романа, который мы повторять не будем. Это даже не роман, а такой синтетический жанр — роман и три пьесы, и читать все это можно в любом порядке. А можно не читать. Потом пошли ответы на записки. Надо сказать, что Аксенов — мастер импровизаций, говоря шахматным языком — блицер, то есть хорошо играет быстрые (короткие) партии.

Россия имеет обыкновение устаканиваться

Веч. Москва. — 1999 — 5 апр. — с. 4

Гинзбург опять чудит: гуляет по штату Вирджиния с собакой по имени Пушкин Васильевич Аксенов

вечное. А сеять как раз вздорное, бессмысленное и жестокое (присутствующие поняли иронию писателя). Кстати говоря, В. П. уже после встречи в частной беседе отметил высокую квалификацию аудитории и ее выгодное отличие от аудитории Центрального Дома литераторов в Москве, где в январе состоялся его творческий вечер. Порадовало писателя и присутствие на встрече в Бруклине большого числа молодых людей.

Несколько раз писатель возвращался к теме России, что, согласитесь, естественно.

— В стране заметно сокращается европейский элемент. Любая огромная империя, как говорит нам история цивилизации, вырачивает в себе зерно распада. Так произошло и с Римской, и с Британской, и с Российской империями. Граф Витте в 1909 году написал государю: «Ваше Величество, мы слишком велики, мы очень растянулись и можем лопнуть. Нам надо сокращаться». Россия расширилась на 64 квадратных версты ежедневно в течение столетия. Британия распространялась за морями, Америка несlesslyно развернулась в другом измерении — экономическом, и здесь заложена серьезная бомба. Кроме того, возможны и этнические взрывы, но я надеюсь, что ничего плохого не

произойдет... Вообще все в мире взаимосвязано, переплетено, мы все больше и больше живем в какой-то мировой коммуне, завязываемся все круче и круче, а ультрапатриоты России рассуждают так, будто они с какой-то отдельной планеты, где никто рядом не живет, где нет никаких влияний через границы. Я уехал из Москвы прошлым летом накануне кризиса. Тогда возникло ощущение так, что ты в какой-то процветающей западной столице: все залито светом, сверкающая, ошеломляющая реклама. Никогда не думал, что увижу Москву в таком виде. Вспоминали нап., но она ведь совершенно не сравнима с тем, что произошло за два-три последних года. И сейчас, когда я в январе вернулся в Москву, я ожидал увидеть гораздо худшее. На первый взгляд, ничего особенного не происходит: ты въезжаешь в сверкающий город, все в огнях, потоки машин, никакого кризиса как будто бы не существует. У меня обычно не бывает времени для социологических исследований, я просто отправляюсь в ближайшую булочную (Василий Павлович живет в высотном доме на Котельнической набережной. — Авт.) и по ней делаю некие обобщения. Масса сортов свежего хлеба, тут же колбасы, разные напитки — все, что было летом, ничего не убавилось, даже прибавилось — от-

дел тортов. Не менее пятнадцати тортов разных видов и размеров. И это не показуха — они раскупаются. Я был сейчас в Москве как член жюри премии «Триумф». Премии эти довольно щедрее: пять человек получают по 50 тысяч долларов. Это, согласитесь, приличная сумма, и в этом году, несмотря на кризис, все удостоенные премии деньги получили... А потом начались бесконечные спектакли, «зимняя карусель». Безумное оживление театральной жизни, толпы перед входом, залы заполнены, спрашивают лишние билеты. А кризис-то ведь идет, и он будет еще углубляться. Мой сын, например, безработный, живет на мою карточку «Американский экспресс». И в Москве люди как-то живут, особенно те, у кого есть доллары. Станным образом не подорожало такси. Но главное вот что: нет паники и нет расслабляющего мрака, который возник сразу после кризиса. У России есть такая особенность: что бы ни натворили правящие круги, все постепенно «устаканивается». Все друг на друга смотрят немножко хитренько, потихоньку приывают к кризису: ничего, мол, ничего, ничего... Но я убежден, что реванш коммунистов назревает, что он где-то совсем рядом, что это не что иное, как большой масштабный заговор. Коммунисты действуют уверенно, они ничего

не боятся. Держатся со странной, невероятной уверенностью. Если коммунисты придут к власти, произойдет катастрофа посильнее финансовой, это приведет к гражданской войне, к распаду России на удельные княжества.

Записка: Хотелось бы знать, где в Штатах вы чувствуете себя, как дома — улица, город, штат. И подпись: Елена.

Ответ В. П.: Девушка спрашивает мой адрес, правильно? Подойдите, пожалуйста, после встречи, я вам его дам (смеется). Мы с женой Майей и собакой Пушкин живем в пригороде Вашингтона. Рядом лес, в котором олени гуляют, я в нем по утрам бегаю с собакой. Пушкин — это не кличка, нет. Полное имя моей собаки Пушкин Васильевич Аксенов.

— **Могли бы вы прожить в Америке только литературным трудом?**

— Сакраментальный вопрос. Я помню, Лимонов хвалился, когда жил в Америке лет десять назад: «Они все тут заделались учителями, бизнесменами, а я живу на гонорары». Он, правда, не уточнил, сколько у него человек на иждивении. Я боюсь, что ни одного не было, скорее, он сам у кого-то был на иждивении. А мне приходится поддерживать своих близких, поэтому я и профессорствую в университете. Один я, конечно, мог бы жить и литературным трудом.

— **В России нет цензуры, но нет и новых крупных литературных имен...**

— Кое-кто все-таки есть... Чтобы знать, как идет литературная жизнь, надо следить за толстыми журналами. Толстые журналы — уникальный российский институт, какого нет ни в Америке, ни в любой другой стране. Они,

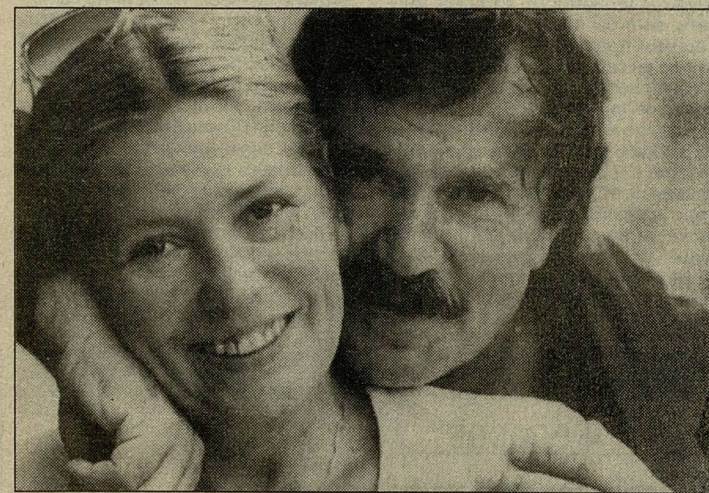
молодые люди располагают не только колоссальным объемом знаний, но и пониманием мирового литературного процесса. Что касается прозы, то она, конечно, задавлена колоссальным потоком макулатуры детективного свойства, приключенческого и так далее. Эти жанры раньше появились в Америке, я бы назвал их жанрами дерьма. Но я думаю, что идущее следом поколение писателей, те, кому сейчас 20—26, дадут очень серьезные плоды. Что касается конкретных имен, одним из самых обнадёживающих писателей я назвал бы Виктора Пелевина, его роман «Чапаев и Пустота».

— **Несколько слов о Солженицыне.**

— Он по-прежнему борода, борода не седеет, он молодеет, морщины разглаживаются — это какой-то феномен. Он отказался от ордена Андрея Первозванного с бантами, гирляндами и кистями, который ему преподнес Ельцин к юбилею. Этот отказ — довольно лицемерный поступок со стороны Александра Исаевича. Если вы живете в республике, пользуетесь ее льготами, то вы должны ее как-то уважать. Вас охраняет стража республики, а вы плюете в ладонь, протягивающую вам орден. Я всегда безумно его уважал, а этот поступок мне не понравился — вот все, что могу о нем сказать.

Спрашивают о Довлатове.

— Я его очень любил. Никогда не видел его пьяным, в моей памяти он остался большим таким питерским интеллигентом, колоссальным патриотом литературы. Его вне литературы не существует. Для меня нелитература существует, я, например, болельщик баскетбола, это серьезный повод для наблюдения, да? А у Сергея все концентрировалось вокруг литературы, он был рожден писателем. Если бы он прожил еще десять лет, то написал бы шедевр. Он был просто беременен колоссальным рома-

Вирджиния, 1998. С женой Майей

журналы, до сих пор являются как бы вернисажами словесного искусства. И всякий раз, когда я беру в руки ведущий литературный журнал «Знамя»... (это, кстати говоря, бывший такой милитаристский журнал, имелось в виду знамя Красной Армии). А сейчас это ультра-авангардистский журнал, а называется по-прежнему «Знамя». Я им предложил: вы название оставьте, а в углке рисуйте череп с костями, как раньше было у пиратов (смеется). В каждом номере «Знамени» — масса интересных материалов. Критика начинает приходить в себя. Она немного очумела после отмены цензуры, все ринулись в постмодернистскую чернуху, в поиск мнимых врагов, во вражду поколений. Сейчас критика стала более основательной, и ты видишь, что приходящие в литературу

ном, двигался к нему, но эта ужасная история прервала движение. Я вспоминаю его с большой теплотой, хотя немного не понимаю истерического раздвигания его имени, которое сейчас происходит в России. Зачем это? Чтобы потом схватиться за голову и спросить: зачем делать из человека то, чем он не был? Он был легкий человек, с колоссальным чувством юмора, а из него сейчас лепят какой-то топорный, довольно халтурный монумент.

После встречи еще с полчаса Василий Павлович давал автографы ценителям своего таланта, составившим приличную очередь. Мне кажется, это была одна из самых приятных в жизни очередей, каковых эмигранты из бывшего Союза отстояли немало.

Нью-Йорк